

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1

Гукосьянец Ольга Юрьевна

Пятигорский государственный университет,
Россия, 357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9
Gukosjants@mail.ru

Коммуникативные стратегии и тактики троллей-манипуляторов в интернет-опосредованной коммуникации в период пандемии COVID-19

Для цитирования: Гукосьянец О. Ю. Коммуникативные стратегии и тактики троллей-манипуляторов в интернет-опосредованной коммуникации в период пандемии COVID-19. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (2): 423–445.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.210>

Статья посвящена изучению коммуникативного поведения троллей-манипуляторов, провоцирующих конфликтную ситуацию и осуществляющих воздействие на адресатов, в период пандемии COVID-19. Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного исследования манипулятивного воздействия в интернет-среде, разработки рекомендаций для идентификации адресатом манипулятивной интенции автора сообщения и оказания своевременного противодействия. В число исследовательских задач входят определение стратегий и тактик манипулятивного конфликтного виртуального взаимодействия и исчисление типов троллей-манипуляторов, проявившихся в русскоязычном интернет-пространстве в период пандемии COVID-19, на примере комментариев к постам в «Живом журнале» и интернет-мемов. Исследование материала показало, что общая стратегия манипулирования реализуется в двух основных направлениях — формирование точки зрения оппонентов посредством убеждения и возбуждение коллективной ненависти с целью создания собственной «группы поддержки». В рамках общей стратегической задачи манипулирования частными ее проявлениями считаем микростратегии убеждения, разоблачения и самопрезентации. Сделано заключение о реализации микростратегии убеждения посредством тактики ссылки на авторитет, тактики рассуждения/уговора, тактики негативного сценария, о реализации микростратегии разоблачения через тактику выражения недоверия и тактику иронии, о реализации микростратегии самопрезентации с помощью тактики самовосхваления и тактики дистанцирования. Особое внимание уделено вербальным и невербальным маркерам, наблюдаемым в коммуникативном поведении троллей-манипуляторов. Анализ языковой структуры комментариев, вербальной и иконической

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

частей интернет-мемов с помощью методов коммуникативно-прагматического анализа и семиотического анализа, использование описательного метода при обобщении, систематизации, классификации и интерпретации полученных данных позволили декодировать речевые тактики и соотнести их с коммуникативными микростратегиями, используемыми разными типами троллей-манипуляторов. Итогом работы стало построение схемы, отражающей наблюдаемые в анализируемом материале типы троллей общего вида «тролль-манипулятор», реализуемые ими частные коммуникативные стратегии и тактики в рамках общей стратегии манипулирования.

Ключевые слова: интернет-опосредованная коммуникация, конфликтный дискурс, стратегия манипулирования, троллинг, тролль.

Введение

Общая тяжелая атмосфера пандемии COVID-19 и массовой изоляции повлияла на характер и особенности коммуникативного поведения в виртуальном пространстве. Возросла степень агрессивности пользователей Сети, участились случаи мошенничества, скрытого убеждения посредством коммуникативных сбоев и неудач. Дестабилизация эмоционального состояния собеседника, осуществление скрытого внедрения в сознание читающих необходимых данных, деформирующее воздействие на ценностные ориентиры индивида и общества как доминирующие иллюквативные установки активно реализовывались в комментариях к постам в «Живом журнале» и интернет-мемах в обозначенный период конфликтными виртуальными языковыми личностями — троллями.

Язык является мощным средством воздействия на сознание людей, «программирования поведения человека» [Кара-Мурза 2005: 9]. Речевое (языковое) манипулирование представляет собой вид речевого воздействия, использующийся для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент [Завьялова 2011: 463]. Применяя в процессе общения определенные ресурсы языка, человек может влиять на восприятие адресатом объектов и ситуаций внешнего мира, навязывать им положительную или отрицательную оценку [Колтышева 2008].

Изучение коммуникативного поведения троллей-манипуляторов, провоцирующих конфликтную ситуацию и осуществляющих тем самым воздействие на адресатов, в период пандемии COVID-19 является целью настоящего исследования. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: определить стратегии и тактики манипулятивного конфликтного виртуального взаимодействия, исчислить типы троллей-манипуляторов, проявившихся в русскоязычном интернет-пространстве в период пандемии COVID-19, на примере комментариев к постам в «Живом журнале» и интернет-мемов. Статья продолжает серию наших работ, посвященных изучению конфликтного речевого поведения в интернет-среде в период пандемии COVID-19, целеустановкой которого является в том числе манипулирование сознанием собеседника.

Обзор, материал, методы

Высокий уровень конфликтности, присущий интернет-среде как уникальной площадке виртуального общения, во многом объясняется свойственной данной

коммуникации анонимности, которая воспринимается многими как возможность избежать ответственности за высказывания и поведение в виртуальном мире. Коммуникативное поведение в онлайн-пространстве, проявляющееся в обмане, изменении идентичности пользователя, агрессивном речевом поведении, разрушении взаимных отношений с собеседником, в вовлечении в конфликт сторонних участников, определено К. Хардакер как интернет-троллинг [Hardaker 2010]. Провокационной виртуальной языковой личностью, порождающей и развивающей деструктивную коммуникацию, является тролль. Понимание троллинга как деятельности по размещению сообщения через социальные сети, которое, как правило, является оскорбительным, провокационным или угрожающим, искажающим передаваемую информацию либо представляет собой сообщение вне темы общения («офтоп»), публикуемое с намерением спровоцировать аудиторию, присутствует в работах [Hardaker 2010; Bishop 2014]. Общие исследования, посвященные поведению троллей [Herring et al. 2002], пониманию троллинга как патологии, а психологического типа тролля как кибер-садиста, испытывающего наслаждение от унижения собеседников [Buckels et al. 2014], изучению гендерных различий в троллинге, а именно выявлению гендерной идентичности самих троллей [Fichman, Sanfilippo 2015] и гендерной идентичности жертв троллинга [Hardaker, McGlashan 2016], определению способов и средств выражения оскорбления в интернет-коммуникации [Ying et al. 2012] многочисленны, но тем не менее не исчерпывают всех возможных для исследования вопросов, оставляя множество лакун в области конфликтной коммуникации в сети Интернет.

Конфликт — результат демонстрации участниками взаимодействия непонимания, агрессивного манипулирования, враждебного отношения друг к другу, наблюдающийся в контексте расшатывания морально-этических норм и в ряде случаев — нарушения действующего законодательства [Курьянович 2018: 127]. Конфликтная коммуникация обладает системной организацией, многоуровневой структурой, осуществляется при помощи вербальных и невербальных средств в конкретной ситуации общения, что позволяет интерпретировать данные коммуникативные события как конфликтный дискурс. В существующих работах, посвященных изучению конфликтного дискурса, прослеживается ряд направлений, вызывающих наибольший исследовательский интерес. В частности, уточнены характеристики конфликтного дискурса, анализируется природа возникновения коммуникативного конфликта, установлены факторы, регулирующие причины и характер конфликта, обосновываются формы проявления и прагматический эффект речевой агрессии [Воронцова 2006; Белоус, Осколкова 2007; Седов 2002; Третьякова 2000; Ермакова, Земская 1993]; рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения, выбираемые коммуникантами в конфликтной ситуации общения (на основе анализа художественных текстов [Гулакова 2004; Мулькеева 2006], обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов [Певнева 2008], текстов устного публичного дискурса [Вознесенская 2010]).

Согласно К. Ф. Седову, конфликтное поведение проявляет разнообразие языковой личности. В зависимости от уровня коммуникативной компетенции языковой личности ученый дифференцирует три типа речевого поведения — конфликтный, центрированный и кооперативный. Характеризуя конфликтный тип, Седов отмечает двойственную природу подобного поведения, направленного, с одной

стороны, на выражение агрессии к коммуникативному партнеру, с другой — на навязывание собственного мнения, преувеличение жизненного опыта, с целью осуществления манипулирования [Седов 2002].

Агрессия и манипуляция как две основные стратегические линии развития конфликтной ситуации отражены в работах И. И. Гулаковой (см., в частности: [Гулакова 2004]), анализирующей коммуникативные стратегии в конфликтной ситуации. Под агрессией понимается «демонстрация партнеру отрицательно заряженного эмоционального отношения», тогда как манипуляция — это «захват смыслового пространства коммуникации с тем, чтобы навязать партнеру свою коммуникативную стратегию» [Гулакова 2004: 11].

Манипуляция как разновидность конфронтационного речевого поведения характерна для конфликтных виртуальных языковых личностей. В целом приоритетность манипулятивной функции в действиях конфликтной виртуальной языковой личности тролля, направленной на дестабилизацию коммуникации, подчеркивается как российскими, так и зарубежными учеными (см., в частности: [Donath 1996; Herring et al. 2002; Акулич 2012; Внебрачных 2012; Галичкина 2012; Курьянович 2018]).

Многие существующие на сегодняшний день исследования воздействия троллей на убеждения интернет-пользователей посвящены попыткам разоблачения троллей. Описываемый процесс дешифровки манипулирующей виртуальной языковой личности базируется на четырех основных составляющих: намерениях тролля, раскрытии его намерения, интерпретации реципиентом намерения тролля и стратегии реагирования реципиента (подробнее см.: [Moјica 2018]); осуществляется с помощью подсчета статистических данных (количества комментариев, положительных и отрицательных отзывов, размещения ответов, активности с течением времени — подробнее см.: [Mihaylov et al. 2015]). Социальные сети анализируются на предмет наличия конфликтных ситуаций, сервисы ранжируются в зависимости от объема опубликованных текстов, обладающих манипулятивным потенциалом, оценивается качество работы модераторов сетей (подробнее см.: [Bay et al. 2020]). Несмотря на различные цели и задачи указанных выше работ, все исследователи сходятся во мнении, что троллинг обладает высоким манипулирующим воздействием, поскольку мнение пользователей о продуктах, компаниях и политике может зависеть от публикаций других пользователей на онлайн-форумах и в социальных сетях [Dellarocas 2006: 1578].

Речевое поведение тролля, представляющее собой форму завуалированного влияния и способствующее пробуждению у адресата необходимых чувств и эмоций, принятию точки зрения говорящего за счет исполнения выбранной коммуникативной роли и подбора для этого определенных речевых действий, является предметом исследования в настоящей статье.

Материалом исследования послужили появившиеся в период пандемии COVID-19 комментарии (порядка 1000 веток комментариев) к постам в «Живом журнале» и интернет-мемы (в количестве 450 мемов), размещенные в социальной сети «ВКонтакте» и находящиеся в свободном доступе на сайтах и порталах сети Интернет. Выбор эмпирической базы обусловлен следующими соображениями. Во-первых, платформа «Живой журнал», являясь крупным русскоязычным блог-сервисом, освещает актуальные проблемы общества, влияет на формирование

общественного мнения. Сервис позволяет публиковать не только персональные блоги, но и предоставляет возможность пользователям комментировать свои и чужие записи, наблюдать процесс коммуникации в открывающейся ветке комментариев к постам. Во-вторых, выбор интернет-мемов как материала исследования обусловлен признанием мемов «действенным средством корректировки картины мира пользователя, обладающим высоким прагматическим потенциалом» [Каменева, Рабкина 2013: 150]. Комментарии и интернет-мемы, представленные в настоящей работе, соответствуют периодам наступления в России второго пика заболеваемости (декабрь 2020 г. — март 2021 г.¹), третьего пика заболеваемости (июнь 2021 г. — сентябрь 2021 г.²), четвертого пика заболеваемости, вызванного штаммом «Дельта» (октябрь 2021 г. — декабрь 2021 г.³), и пятого пика заболеваемости, вызванного штаммом «Омикрон» (январь 2022 г. — февраль 2022 г.⁴). Выбор периода пандемии COVID-19 в качестве временного промежутка появления комментариев и интернет-мемов объясняется актуальностью данной темы в публичном и политическом дискурсе, что также подтверждается значительным количеством лингвистических исследований, посвященных особенностям представления информации и видам реакций на сведения о пандемии COVID-19 в медийном дискурсе [Карасик 2020], динамике освещения темы коронавируса в российских медиа, механизмах конструирования реальных и возможных угроз, а также характеру репрезентации политических решений, направленных на борьбу с эпидемией [Великая и др. 2021], неологизмам периода пандемии COVID-19 [Мухаметзянова, Болотова 2021; Баранцева, Девяткова 2021; Сапрыкина 2022; Русский язык коронавирусной эпохи].

Основными методами исследования явились метод коммуникативно-прагматического анализа, позволивший рассмотреть тексты как смысловое целое с точки зрения используемых языковых средств и определить, каким образом организовано коммуникативное воздействие в рассматриваемых текстах; метод семиотического анализа, с помощью которого осуществлялось комплексное исследование интернет-мемов (вербальной и иконической частей). Используемые методы позволили раскрыть интенции авторов, признать тексты манипулятивными и определить коммуникативные микростратегии и речевые тактики манипуляторов. При обобщении, систематизации, классификации и интерпретации полученных данных применялся описательный метод. Метод сплошной выборки, с помощью которого осуществлялся подбор фактического материала исследования, обеспечил наличие репрезентативного текстового корпуса, демонстрирующего конфликтное манипулятивное речевое поведение.

¹ Год с коронавирусом: от первых заболевших в России до массовой вакцинации. https://tass.ru/obschestvo/10810531?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 02.03.2021); 15.04.2021 (08:00 мск). Информация о случаях заболевания COVID-19. <https://www.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения: 17.12.2021).

² 19.10.2021 (08:00 мск). Информация о случаях заболевания COVID-19. <https://www.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения: 17.12.2021); Волны COVID-19 в России. Инфографика. https://www.gazeta.ru/infographics/volny_covid-19_v_rossii_infografika.shtml?updated (дата обращения: 17.02.2022).

³ Инфекционист Минздрава сообщил о переходе третьей волны пандемии в четвертую. https://tass.ru/obschestvo/12869607?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 09.11.2021).

⁴ 31.03.2022 (08:00 мск). Информация о случаях заболевания COVID-19. <https://www.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения: 09.04.2022); Волны COVID-19 в России. Инфографика. https://www.gazeta.ru/infographics/volny_covid-19_v_rossii_infografika.shtml?updated (дата обращения: 17.02.2022).

Рассмотрим подробнее коммуникативные стратегии и тактики троллей-манипуляторов в комментариях к постам в «Живом журнале» и интернет-мемах в период пандемии COVID-19, а также типы троллей-манипуляторов, исчисленные нами при изучении материала исследования.

Результаты и обсуждение

Оказание манипулирующего воздействия и достижение цели тролля невозможны без четко выстроенного плана общения, которого придерживается манипулятор, и гибкости в построении коммуникации. Признавая, что «речевая коммуникация — это стратегический процесс, базисом для которого является выбор оптимальных ресурсов» [Иссерс 2008: 10], «речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 2008: 54], а действия, способствующие реализации стратегии, признаются речевыми тактиками [Иссерс 2008: 111], проанализируем тактики и стратегии манипулятивного речевого поведения троллей в комментариях к постам в «Живом журнале» и интернет-мемах периода пандемии COVID-19, останавливаясь подробнее на лингвистических средствах, применяемых троллями в воплощении намеченных интенций, и обобщим типы троллей-манипуляторов, проявившиеся в указанный период.

Настоящее исследование проводится согласно подходу, анонсированному О. С. Иссерс в работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи», согласно которому логично «идти от общих стратегических задач к частным, решаемым применительно к конкретному коммуникативному акту» [Иссерс 2008: 105].

Общей стратегией, задача которой состоит в деформировании сознания окружающих, навязывании собеседникам конкретного мнения, образа действий, установки, в самоутверждении, доминировании над собеседником, провоцировании тем самым столкновения, является стратегия манипулирования. В рамках общей стратегической задачи частными ее проявлениями, обеспечивающими достижение цели манипулирования адресатами, в рамках исследуемого материала считаем стратегии убеждения (усилия адресанта в данном случае нацелены на внушение определенной точки зрения по какому-либо вопросу), разоблачения (интенция говорящего заключается в попытке уличить оппонента в неискренности, подорвать его авторитет, вызвать подозрение у окружающих в неверности сведений, представляемых объектом разоблачения) и самопрезентации (заключается в создании желаемого впечатления о себе, образа, выгодного для манипулирования), именуемые в настоящей работе микростратегиями и достигаемые благодаря различным речевым действиям — речевым тактикам.

Конкретизация речевых действий, выбираемых троллями-манипуляторами для деформации сознания реципиента в интернет-среде, будет сопровождаться полученной в процессе анализа материала исследования типологией троллей с краткой характеристикой каждого из выявленных типов, тех образов, «которые человек сознательно создает в общении для достижения определенной цели, кем он решил “прикинуться” для достижения поставленной им задачи», их «инициативных коммуникативных ролей» [Стернин 2001: 80–81]. В ходе анализа, наблюдения за разво-

рачивающимися ситуациями общения и функционированием в данных ситуациях троллей-манипуляторов и определения речевых тактик, используемых данным видом троллей, нами были обозначены четыре основные коммуникативные роли, воспроизводимые троллями-манипуляторами: 1) тролль-эксперт, реализующий микростратегию убеждения; 2) тролль-скептик и 3) тролль-шутник, реализующие микростратегию разоблачения; 4) тролль-позер, реализующий микростратегию самопрезентации.

Тролль-эксперт: характеристика, речевые тактики

Задача тролля-эксперта — обладая «знанием» по конкретному вопросу, поделиться данным «знанием» с окружающими.

Данному типу троллей соответствуют три речевые тактики — действия, реализующие стратегический замысел убеждения: тактика ссылки на авторитет, тактика рассуждения/уговора и тактика негативного сценария.

Тактика ссылки на авторитет, заключающаяся в приписывании определенной позиции по обсуждаемому вопросу лицу, группе лиц или организации, являющимся признанными специалистами в данной области, дает возможность заручиться высокой степенью доверия со стороны читателей и, как результат, оказать планируемый манипулятивный эффект.

- (1) *Ну раз учитеесь, то продолжайте, я вам подскажу пару определений: Эпидемия (греч. *επιδημία* — повальная болезнь, от *ἐπι* — на, среди и *δήμος* — народ) — прогрессирующее во времени и пространстве распространение инфекционного заболевания среди людей, значительно превышающее обычно регистрируемый на данной территории уровень заболеваемости, и способное стать источником чрезвычайной ситуации. В обиходе универсальным эпидемиологическим порогом считается заболевание 5% жителей территории, или иногда 5% какой-либо социальной группы. (Бургасов П. Н., Сумароков А. А. Эпидемия // Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. — 3 изд. — Москва: Советская энциклопедия, 1986. — Т. 28. Экономо — Ящур. — 544 с. — 150 000 экз.)⁵*

Сколько сейчас в мире заболевших? Были и есть основания объявлять эпидемию? нет . конечно же! Фуфлопидемия есть. Это начальный курс)

А это для совсем продвинутых сайенсов (так сказать, уже бакалавров):

В России состояние эпидемии объявляется на основании «Методических рекомендаций» МР 3.1.2.0118–17. Методика расчета эпидемических порогов по гриппу и острым респираторным вирусным инфекциям по субъектам Российской Федерации». <https://files.stroyinf.ru/Index2/1/4293738/4293738236.htm>. (Коронавирус — это острое респираторно-вирусное заболевание — ОРВИ)

Талмуд большой, не каждый магистр Асилит, потому вкратце, — чтобы начать задуматься, а не началась ли эпидемия, например, в декабре в Москве должно еженедельно заболевать (то есть обращаться за помощью, а не ходить и кашлять чуть-чуть) больше 100 000 (ста тысяч) человек.⁶

⁵ Все примеры публикуются в редакции цитируемых авторов.

⁶ Комментарий к записи «Я привился ГМО-вакциной от коронавируса» от 29.12.2020. Живой журнал. <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html> (дата обращения: 26.01.2022).

Позиция автора комментария — убедить общественность в отсутствии провозглашаемой государством развивающейся эпидемии, в искаженности данных, транслируемых по официальным сводкам. Цитируя «Большую медицинскую энциклопедию» и ссылаясь на доступные онлайн-источники, автор комментария задает актуальные вопросы, на которые самостоятельно отвечает, тем самым создавая искусственную диалогизацию монологического текста и обеспечивая скрытое воздействие на читателя. Обладание тайным, понятным немногим знанием подчеркивается через оценку цитируемых источников: *Это начальный курс); А это для совсем продвинутых сайенсов (так сказать, уже бакалавров); Талмуд большой, не каждый магистр Асилит*. Степень воздействия на читателя усилена благодаря:

- применению окказионализма *фуфлопидемия*, появившегося в эпоху пандемии COVID-19, системным компонентом которого стало слово с разговорно-сниженным оттенком значения «фуфло», и относящегося к типу слов, демонстрирующих позицию «отрицания, неверия, ощущения происходящего как заговора, массового безумия или намеренного одурачивания социума» [Русский язык коронавирусной эпохи: 217];
- намеренному искажению написания слов (*Асилит*);
- наименованию Методических рекомендации *талмудом* для обеспечения образности высказывания через метафорический перенос с целью акцентирования внимания на объеме существующих рекомендаций;
- использованию англоязычного вкрапления *сайенс*, осуществляющего функцию авторской иронии.

В интернет-мемах тактика ссылки на авторитет и преследуемый манипулятивный эффект достигались благодаря приписыванию определенной точки зрения, конкретных действий известной личности (актеру, мультипликационному персонажу, политику, спортсмену), изображение которой составляет иконический компонент мема и интегрируется в вербальное сообщение, несущее основной содержательный посыл, чем и обеспечивается комплексное прагматическое воздействие на адресата. Опасность вируса, необходимость соблюдать требуемые меры предосторожности, оставаться на самоизоляции транслируются в представленных ниже интернет-мемах, на которых *даже Рэмбо* (отметим наличие усилительной частицы *даже*) — персонаж С. Сталлоне в серии одноименных боевиков — носит перчатки (рис. 1), супергерой Бэтмен остается дома (рис. 2), потому что так поступают *настоящие герои (true heroes)*.

Тактика рассуждения/уговора характеризуется демонстрацией аргументов в пользу поддерживаемого автором вопроса/позиции с целью оказания давления на адресата. При этом источник аргументации не называется, но подробные объяснения, предоставляемые адресантом, настолько логичны и последовательны, что усомниться в них не представляется возможным. Синтаксические конструкции простые, реже сложносочиненные, им свойственно наличие вводных слов (*видите ли* — пример (2)), соединительных элементов — союзов и союзных слов (*и, однако, так как* — пример (2)).

- (2) **Видите ли**, вакцина называется вакциной не из-за длительности испытания, а по своему принципу — медицинский препарат биологического происхождения, обеспечивающий организму появление приобретённого иммунитета к конкрет-

Рис. 1. Интернет-мем.
«Даже Рэмбо ходит в перчатках»

Рис. 2. Интернет-мем.
«Бэтмэн: настоящие герои остаются дома»

ному антигену. Вакцины бывают плановые и экстренные. При вспышках инфекционных болезней некогда испытывать препараты. **Однако** это не впервые такое, **так как** экстренные вакцины готовились много раз. Просто интернета не было. И времена были не столь вегетарианские. Никакие вспышки они не вызывают, максимум они могут просто не работать. Технологии эти вековые и ничего там нового нет.⁷

Реализация тактики рассуждения/уговора и оказание воздействия на адресата применительно к интернет-мемам осуществлялись в период пандемии COVID-19 в виде призыва каждого члена общества к совершению определенных действий (соблюдать дистанцию, носить маски и перчатки, соблюдать самоизоляцию) с обоснованием их необходимости. Мемы-призывы, появившиеся в данный период, сопровождалась хештегами (*останься дома* — рис. 3), позволяющими безошибочно определить основной посыл креолизованного сообщения, демонстрировать поддержку, отклик и необходимость сплочения в противостоянии общей беде. Значимость роли каждого отдельного индивида в процессе борьбы с инфекцией выражается через персонализацию (обращение к местоимениям *твоя, мы*), усилителей значения (местоимение *такой* для демонстрации высокой степени проявления заявленного качества — *такое сложное время* (рис. 4), устойчивое сочетание *как никогда* для выражения максимального проявления действия — *как никогда должны держаться друг от друга как можно подальше* (рис. 4)).

Еще одной речевой тактикой, свойственной для тролля-эксперта и наблюдаемой в настоящей выборке, явилась **тактика негативного сценария**. Прогнозирование катастрофы в случае несоблюдения поддерживаемых автором комментария правил, невыполнения необходимых, по его мнению, обязанностей, достигается

⁷ Комментарий к записи «Детей отобрать — и в лагеря смутьянов!» от 01.02.2022. Живой журнал. https://saporjnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3 (дата обращения: 17.02.2022).

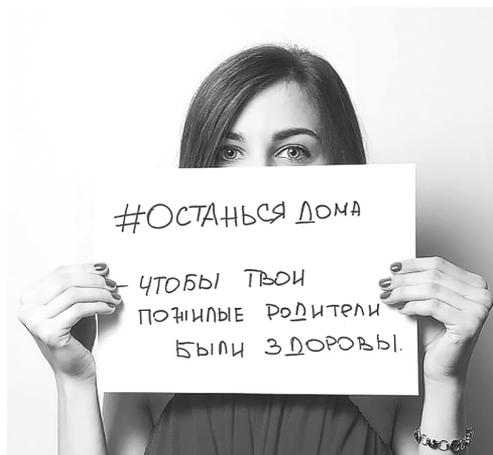

Рис. 3. Интернет-мем. «#Останься дома — чтобы твои пожилые родители были здоровы»

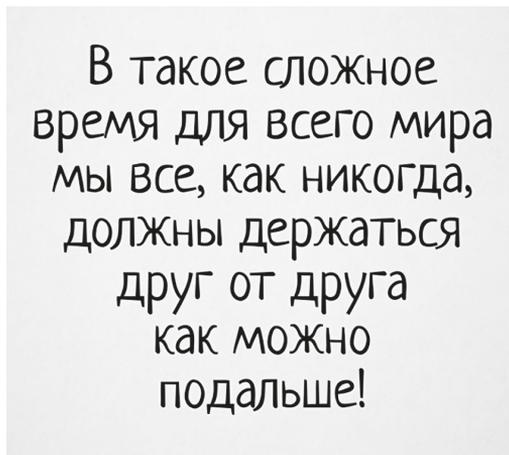

Рис. 4. Интернет-мем. «В такое сложное время для всего мира мы все, как никогда, должны держаться друг от друга как можно подальше!»

посредством апеллирования к оппозиции «свой — чужой», что оказывает значительный манипулятивный эффект на адресата.

(3) *Никакой принудилочки нет.*

Умные прививаются — идиоты не прививаются и самостоятельно геройски дохнут сотнями в день;)))

Выбора у тебя нет. Или поумнеть или на больничную койку и в могилу.

*Рано или поздно но заболеют все непривитые и не имеющие иммунитета.*⁸

Приведенный комментарий является примером оценочной оппозиции *умные — идиоты*, где *умные* — это «свои», а «свои» *прививаются* и *спасают себе жизнь*, в то время как «чужих» осуждают, оскорбляют и презирают (*идиоты не прививаются и самостоятельно геройски дохнут*). Неизбежность негативного сценария для невакцинированных подтверждается употреблением фразеологизма *рано или поздно*, предвещает их погибель.

Дихотомия «свой — чужой» прослеживается также в следующем примере, где она обеспечивается применяемыми личными местоимениями *я родня* («свои») и *ты/неродственник* («чужие»). В адрес «чужих» автор демонстрирует пренебрежение, безразличие (*это твои личные проблемы*), предсказание болезни (*ты заболеешь*).

(4) *Я лично себя и родню обезопасил. А ты... Ты мне не родственник и это твои личные проблемы на которые мне наплевать. Как заболеешь, а ты заболеешь — прикладывай подорожник и пей чай с медом)))*⁹

⁸ Комментарий к записи «От коронавируса умер не болевший COVID-19 муж Аллы Пугачёвой» от 14.07.2021. Живой журнал. <https://ilyavaliyev.livejournal.com/8938975.html> (дата обращения: 05.03.2022).

⁹ Комментарий к записи «От коронавируса умер не болевший COVID-19 муж Аллы Пугачёвой» от 14.07.2021. Живой журнал. <https://ilyavaliyev.livejournal.com/8938975.html> (дата обращения: 05.03.2022).

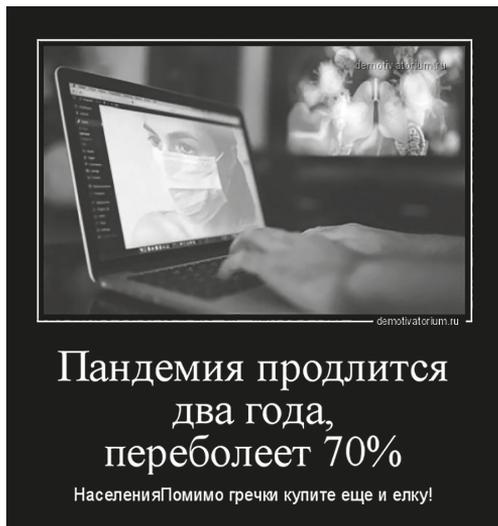

Рис. 5. Интернет-мем. «Пандемия продлится два года. Переболеет 70 % населения. Помимо гречки купите еще и елку!»

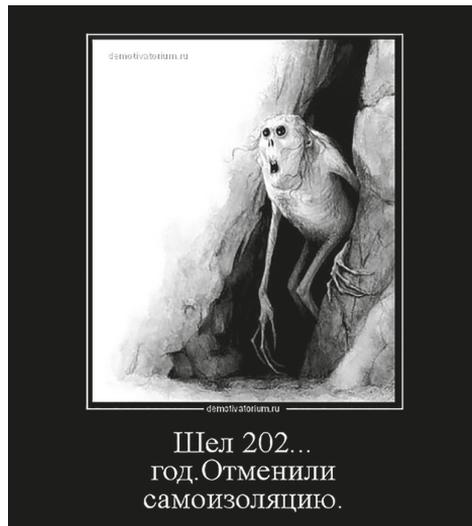

Рис. 6. Интернет-мем. «Шел 202... год. Отменили самоизоляцию»

Негативный сценарий в интернет-мемах выражался в виде прогнозирования итогового числа зараженных COVID-19 (рис. 5), длительности периода пандемии и самоизоляции (рис. 5, 6).

Троль-скептик: характеристика, речевые тактики

Характерным для тролля-манипулятора речевым поведением в настоящем исследовании стало также проявление себя в качестве тролля-скептика.

Троль-скептик осторожный и осмотрительный, он подозрительно относится к любому утверждению, не подкрепленному точными доказательствами. Речевая тактика данного типа тролля — **тактика выражения недоверия**. Анализируемая выборка комментариев к постам в «Живом журнале» периода пандемии COVID-19 обозначила следующие проявления данной тактики:

- откровенное недоверие через прямое требование подтверждений («пруфов»):
- (5) **Пруфы где? Нам нужны пруфы, ссылка на опрос. У вас только фейсбук* первого встречного по ссылке. Опять тут желтая пресса.**¹⁰
 - (6) **Покажите хоть элементарные официальные данные по вакцине. Сколько можно пустопорожней болтовни? Сюда выкладываете информацию.**¹¹

* Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

¹⁰ Комментарий к записи «Детей отобрать — и в лагеря смутьянов!» от 01.02.2022. Живой журнал. https://sarojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3 (дата обращения: 17.02.2022).

¹¹ Комментарий к записи «Коронавирус — ТВ или Как в споре вырождается истина» от 28.12.2020. Живой журнал. <https://botalex.livejournal.com/173142.html> (дата обращения: 21.01.2022).

- проявление готовности согласиться с оппонентом и отказаться от собственной позиции при наличии доказательной базы:

- (7) *Откровенно говоря, я просто не помню какое именно СМИ подало эту новость. Повторяю, если вы дадите реальные цифры по участвовавшим в протестах в Канаде дальнбоям, я, возможно, и соглашусь. Кстати, вы можете привести мне список СМИ, имеющих сертификаты непожливости? ;) Я как-то привык проверять всю критичную для меня информацию, независимо от источника, естественно, если это актуально для меня и подлежит проверке.*¹²
- (8) *Друг мой ироничный, я соглашусь, но поделитесь, будьте добры, ссылкой на +результаты лабораторных исследований доктора Ризоли и университетов Стэнфорда, Корнелла и Калифорнии+ в рецензируемом научном журнале. Я сильно подозреваю, что такой ссылки Вы предоставить не сможете, и, соответственно, что никаких таких «лабораторных исследований» не было, а Вы просто собираете чью-то болтовню с интернета.*¹³

В интернет-мемах недоверие к происходящему массовому заражению выражалось через откровенное безразличие (рис. 7), предложение обойти запреты, нарушить требуемый режим, фальсифицировать вакцинацию (рис. 8).

Рис. 7. Интернет-мем.
«Коронавирус? Плевать!»

Лайфхак от Алиэкспресс 🤔👉👉👉
Не благодарите 😊😐😐😐😐

Рис. 8. Интернет-мем.
«Лайфхак от Алиэкспресс»

Троль-шутник: характеристика, речевые тактики

Третьим типом тролля-манипулятора, наблюдаемым нами в рамках настоящей выборки, стал троль-шутник, каждый комментарий которого — насмешка над оппонентом, темой дискуссии. Тролю-шутнику свойственна **тактика иронии**, придерживаясь которой, он может демонстрировать «реальное положение дел», выявлять неискренность, провоцировать собеседника. Скрытая оценка, транслируемая в ироничной форме, обладает значительным воздействующим потенциалом и решительно отличается от яркого проявления сарказма, язвительной колкости, передающих откровенный негатив.

¹² Комментарий к записи «Омикрон — на пике в странах Восточной Европы» от 01.02.2022. Живой журнал. https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent (дата обращения: 15.02.2022).

¹³ Комментарий к записи «Три Аферы Пандемии COVID-19» от 13.03.2021. Живой журнал. <https://subjecthistory.livejournal.com/10498.html> (дата обращения: 10.01.2022).

Демонстрация несоответствия между высказыванием и реальной ситуацией, нелогичности и нелепости комментария может быть достигнута с помощью гиперболы.

- (9) — *Как только появилась возможность, получил первую фазу прививки.*
— *И как ощущения?*
— *Чувствую невероятную защищённость, суперсилу! :-)*¹⁴

Иронизируя над ощущениями, полученными после вакцинации, автор вводит в комментарий гиперболу, сравнивая достигнутую невосприимчивость к вирусу с суперсилой.

Несогласие с мнением оппонента, акцент на неправильности его суждений и невозможности прийти к верному заключению достигаются в следующем комментарии умышленным обыгрыванием фонетической ориентации написания, свойственной оппоненту (*не, чо*), через неоправданно чрезмерное употребление подобного написания в собственном комментарии. Прямое обвинение в необразованности замещено в данном случае на ироничную насмешку над собеседником, выполняющую разоблачающую функцию.

- (10) — *да не, все точно указано откуда чо получается. Никаких фантазий*
— *ненуачо, если чо, тады, оно конечно, все чОтко, а так указано чо кому надо.*
*Не а чо если чо не так, то фантазий никаких. А чо тебе не нра? Ты не тушуйся, прям гри, чо и как.*¹⁵

Контраст видимого и скрытого смыслов высказывания присутствует и в следующем примере, где критика завуалирована поддержкой, принятием позиции оппонента (пример (11)) и одобрением, расхваливанием оппонента (пример (12)), что создает благоприятный фон общения:

- (11) — *А как же статистика по вакцинированным странам? Неужели вы уже и статистике не верите?*
— *Статистику? Её рисуют ковидобесы.*
— *Ну тогда забейте, это же все ковидобесы выдумали, будьте выше.*
— *Я бы забил, но не могу попасть к врачу.*
— *А зачем, все врачи ковидобесы. Только святая вода, пост и молитва, только хардкор.*¹⁶
- (12) *Но в этот раз вы опять на высоте — многословны! Но почему не добавили разных потешных картинок для верности?*¹⁷

¹⁴ Комментарии к записи «О непредвиденной, но страшной опасности вакцин от коронавируса» от 02.01.2021. Живой журнал. <https://a-nalgin.livejournal.com/1983795.html?view=comments&page=2> (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁵ Комментарии к записи «Лабораторное происхождение коронавируса снова отменяется» от 28.10.2021. Живой журнал. <https://scinquisitor.livejournal.com/195637.html?page=2> (дата обращения: 21.01.2022).

¹⁶ Комментарии к записи «Интересная история» от 27.01.2022. Живой журнал. https://sovenok101.livejournal.com/347026.html?utm_source=popular (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁷ Комментарий к записи «Я привился ГМО вакциной от коронавируса» от 29.12.2020. Живой журнал. <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html> (дата обращения: 26.01.2022).

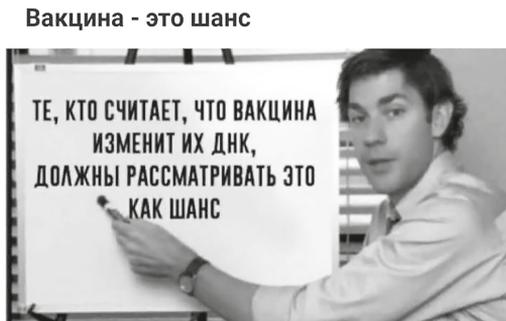

Рис. 9. Интернет-мем. «Вакцина — это шанс»

Рис. 10. Интернет-мем. «Хорошо, что вирус вбок не передаётся...»

Завуалированная критика через ложное согласие, одобрение, поддержку, сообщение несбыточных надежд, высмеивание ситуации (рис. 9), несоответствие манифестируемой идеи истине в вербальной части мема, усиленное иррациональной иконической частью (рис. 10), наблюдались в создаваемых в период пандемии интернет-мемах, представляющих собой проявление тактики иронии.

Троль-позер: характеристика, речевые тактики

Четвертым типом тролля-манипулятора, характерного в рамках настоящей выборки для исследуемого временного отрезка, стал так называемый троль-позер. Тролля-позера отличает демонстративное представление своего образа, желание преподнести себя, создать впечатление о собственной персоне, оказав при этом воздействие на окружающих. Реализация микростратегии самопрезентации, которой придерживается троль-позер в процессе оказания манипулятивного воздействия в комментариях к постам в виртуальном мире, возможна благодаря тактике самовосхваления и тактике дистанцирования.

Тактика самовосхваления осуществлялась в настоящей выборке через высокую оценку собственных идей, знаний и поступков, сопоставление происходящего с собственным жизненным опытом и реализацию таким образом я-темы.

- (13) *Можешь не торопиться. Я закончил биофак Томского госуниверситета еще при СССР, биохимия и генетика мои любимые предметы. Я на молекулярном уровне понимаю как это работает. Как понимаю и то почему этот вирус такая задница для организма. Я пять лет этому учился — понимать и узнавать.*¹⁸

¹⁸ Комментарий к записи «От коронавируса умер не болевший COVID-19 муж Аллы Пугачёвой» от 14.07.2021. Живой журнал. <https://ilyavaliev.livejournal.com/8938975.html> (дата обращения: 05.03.2022).

(14) Тебя просто развели. **Я знаю** что на самом деле в Японии но **я промолчу** пока.¹⁹

(15) И какое же должно быть действие прививки, расскажите пожалуйста. **Я работал** в инфекционном отделении и **видел** как заболевали и дифтерией, и менингитом, и туберкулёзом, и гриппом после прививок в доковидные времена, поэтому если вы считаете, что раньше «ламповые правильные прививки» давали 100 % защиту это несусветная глупость.²⁰

Противопоставление себя всем окружающим, многочисленное использование личного местоимения я притягивают внимание к своей персоне, обеспечивают конструирование собственного значимого образа, отличного от собеседников и способного давать советы и оценки всему происходящему, а значит, и оказывать манипулятивное воздействие.

Самовосхваление в интернет-мемах демонстрируется через сомнение в способностях, знаниях окружающих (рис. 11), откровенное унижение окружающих, к которым автор себя не причисляет (рис. 12).

Высмеивание поведения людей в период пандемии, страхов, бытующих в обществе и связанных с возможным дефицитом продовольственных товаров, выражение личной неподверженности массовым волнениям выделяют говорящего среди остальных и обеспечивают тем самым его самовосхваление (рис. 12).

Рис. 11. Интернет-мем. «Штирлиц. Да что ты знаешь про удаленку»

Господи!
Подари людям мозги. Гречка,
макароны, сахар и туалетная
бумага у них уже есть.

Рис. 12. Интернет-мем. «Господи! Подари людям мозги...»

Наряду с самовосхвалением троллю-позеру свойственно отказываться от общения с окружающими, реализуя таким образом **тактику дистанцирования**. Отказ от продолжения переписки может быть реакцией на предыдущие оскорбления в адрес коммуниканта (примеры (16)–(17)), либо наоборот — желанием втянуть оппонента в конфликт (пример (18)).

¹⁹ Комментарий к записи «Коронавирус в Японии» от 24.11.2021. Живой журнал. <https://vitalidrobishev.livejournal.com/8003587.html?page=3> (дата обращения: 19.02.2022).

²⁰ Комментарий к записи «Детей отобрать — и в лагеря смутьянов!» от 01.02.2022. Живой журнал. https://sarojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3 (дата обращения: 17.02.2022).

(16) — Малограмотный юнош, вы меня утомил. Попробуйте переформулировать. Пока лишь вы проецируете на меня свои фантазии «какая-то хр*нь», делаете собственные выводы «получается оказывается», и требуете от меня их подтвердить.

— **Попытайся написать нечто связное, тогда и продолжим разговор.**²¹

(17) — товарищ дебил, вот я щас вбил в гугл первый пришедший в голову запрос “вакцина спутник эффективность”, и на первой же странице наблюдаю множество ссылок, где можно прочитать об эффективности вакцины. Извольте проделать то же самое.

— **Я вообще-то не воспитатель ясельной группы, чтоб с вами тут в ясли играть. Если у вас развитие на ясельном уровне, извольте просто не *бать людям мозги.**²²

(18) — ну вы написали про мРНК, а спутник — аденовирусная. То есть спутник получается спасает нас от мРНК вакцин?

— **Я. Понятия. Не. Имею. Что. ВАС. По вашему. Мнению. Спасает. От чего. И я понятия не имею, что у вас получается.**

ТАК ПОНЯТНО?

— **так вы что ли в землянке в лесу живете, что ни о чем понятие не имеете?**²³

Тактика дистанцирования в интернет-мемах наблюдалась в двух проявлениях: 1) позиционирование себя как личности, не относящейся ни к противникам, ни к сторонникам вакцинации, не придерживающейся определенной точки зрения и не имеющей в этой связи возможности высказаться (рис. 13); 2) проявление желания прервать общение, поскольку собеседник неприятен, при этом нацеленность на определенного адресата в подобных мемах отсутствует (рис. 14).

если честно я не примыкаю ни к
плоскоземельщикам ни к
антипрививочникам ни к ковид-диссидентам
только потому что боюсь продешевить и жду
появления какой-нибудь действительно
крутой шизы под знамёнами которой можно
будет отправиться в крестовый поход против
разума

Рис. 13. Интернет-пост с примером проявления тактики дистанцирования

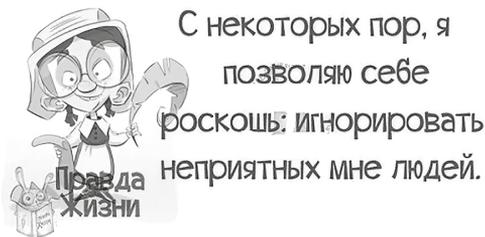

Рис. 14. Интернет-мем. «Правда жизни»

²¹ Комментарий к записи «Лабораторное происхождение коронавируса снова отменяется» от 28.10.2021. Живой журнал. <https://scinquisitor.livejournal.com/195637.html?page=2> (дата обращения: 21.01.2022).

²² Комментарий к записи «Коронавирус — ТВ или Как в споре вырождается истина» от 28.12.2020. Живой журнал. <https://botalex.livejournal.com/173142.html> (дата обращения: 21.01.2022).

²³ Комментарий к записи «Лабораторное происхождение коронавируса снова отменяется» от 28.10.2021. Живой журнал. <https://scinquisitor.livejournal.com/195637.html?page=2> (дата обращения: 21.01.2022).

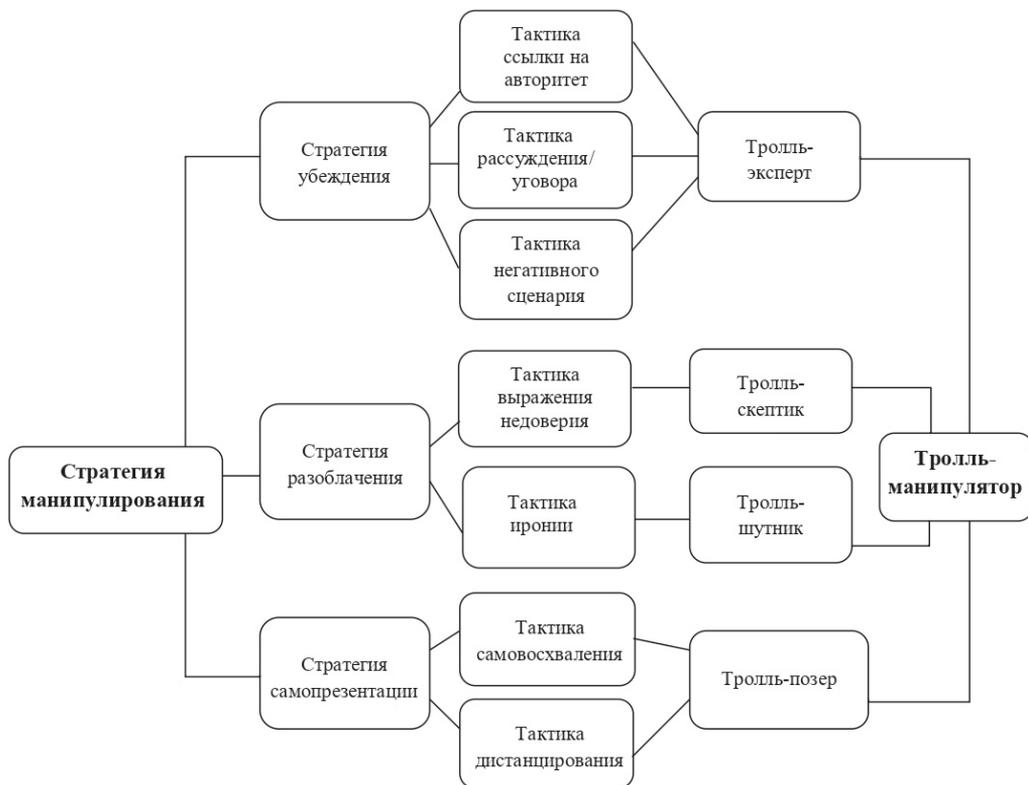

Рис. 15. Стратегии и тактики речевого поведения типов троллей общего вида «троль-манипулятор», наблюдаемые в комментариях к постам в «Живом журнале» и интернет-мемах в период пандемии COVID-19

Продемонстрируем на схеме некоторые выводы, полученные нами в процессе анализа манипулятивного конфликтного коммуникативного взаимодействия, на примере комментариев к постам в «Живом журнале» и интернет-мемов, опубликованных в период пандемии COVID-19 (рис. 15).

Заключение

Фактический материал (комментарии к постам, опубликованным в «Живом журнале», и интернет-мемы периода пандемии COVID-19, являющиеся примерами манипулятивного конфликтного виртуального взаимодействия) позволил изучить характер реализации конфликтного речевого поведения тролля-манипулятора в интернет-среде.

В ходе наблюдения отмечено, что манипулирование осуществлялось в двух основных направлениях — посредством формирования убеждения оппонентов (микростратегия убеждения) и через возбуждение коллективной ненависти с целью создания собственной «группы поддержки» (микростратегия разоблачения и микростратегия самопрезентации). Таким образом, общая стратегия манипу-

лирования, которой придерживаются тролли-манипуляторы в рамках настоящей выборки, реализовывалась через три частные речевые стратегии: микростратегию убеждения, микростратегию разоблачения и микростратегию самопрезентации. Анализ речевого поведения троллей-манипуляторов и характер реализации ими указанных выше микростратегий позволили исчислить типы троллей-манипуляторов и проследить применяемые ими речевые тактики.

Первая частная стратегия манипулирования — микростратегия убеждения — свойственна троллю-эксперту, реализующему ее посредством тактики ссылки на авторитет, тактики рассуждения/уговора, тактики негативного сценария. Микростратегия разоблачения свойственна двум типам троллей-манипуляторов — троллю-скептику (тактика выражения недоверия) и троллю-шутнику (тактика иронии). Третьей наблюдаемой частной стратегией манипулирования явилась микростратегия самопрезентации, свойственная троллю-позеру и реализуемая через тактику самовосхваления и тактику дистанцирования.

Каждая из отмеченных микростратегий и тактик манипулятивного конфликтного виртуального взаимодействия, наблюдаемых в рамках выборки, является примером особого деструктивного речевого поведения и служит основной цели — оказать воздействие на сознание собеседников. Выбор языковых средств, общая тональность речи, провоцирование ответной реакции, формирование адресантом определенного образа (типа тролля-манипулятора) и уровень доверия со стороны адресатов делают возможным оказание манипулятивного воздействия на сознание аудитории в интернет-опосредованной коммуникации.

Литература

- Акулич 2012 — Акулич М. М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы. *Вестник Тюменского государственного университета*. 2012, (8): 47–54.
- Баранцева, Девяткова 2021 — Баранцева О. А., Девяткова Ю. А. Пандемия коронавирусной инфекции как экстралингвистический фактор появления неологизмов в английском языке. *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков*. 2021, (17): 17–22.
- Белоус, Осколкова 2007 — Белоус Н. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2007, 4 (2): 86–107.
- Великая и др. 2021 — Великая Н. М., Сакка Ф., Ирсетская Е. А. Пандемия коронавируса в публичном дискурсе современной России: угрозы, вызовы и возможности. *Вопросы управления*. 2021, (1): 8–22. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-1-8-22>
- Внебрачных 2012 — Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах. *Вестник Удмуртского университета. Сер.: Философия, социология, психология, педагогика*. 2012, (1): 48–51.
- Вознесенская 2010 — Вознесенская Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.
- Воронцова 2006 — Воронцова Т. А. *Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход*. Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006.
- Галичкина 2012 — Галичкина Е. Н. *Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство*. Волгоград: Парадигма, 2012.
- Гулакова 2004 — Гулакова И. И. *Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004.

- Ермакова, Земская 1993 — Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога). В кн.: *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект*. Земская Е. А., Шмелев Д. Н. (отв. ред.). М.: Наука, 1993. С. 30–64.
- Завьялова 2011 — Завьялова О. Н. Речевое (языковое) манипулирование. В кн.: *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты*. Сковородников А. П. (ред.). М.: Флинта, 2011. С. 463–467.
- Иссерс 2008 — Иссерс О. С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Каменова, Рабкина 2013 — Каменова В. А., Рабкина Н. В. Функциональный и прагматический потенциал демотиваторов как визуально-вербальной формы современной интернет-коммуникации. *Политическая лингвистика*. 2013, 1 (43): 144–151.
- Кара-Мурза 2005 — Кара-Мурза С. Г. *Манипуляция сознанием*. М.: Эксмо, 2005.
- Карасик 2020 — Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции. *Политическая лингвистика*. 2020, 2 (80): 25–34. <https://doi.org/10.26170/pl20-02-02>
- Колтышева 2008 — Колтышева Е. Ю. *Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте (на материале англоязычных глянцевого журналов для женщин)*. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2008.
- Курьянович 2018 — Курьянович А. В. Опыт лингво-правовой характеристики конфликтной языковой личности (на примере анализа коммуникативного поведения тролля в сетевой переписке). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018, 2 (191): 127–142. <https://doi.org/10.23951/1609-624x-2018-2-127-142>
- Мулькеева 2006 — Мулькеева В. О. *Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
- Мухаметзянова, Болотова 2021 — Мухаметзянова Д. Р., Болотова Е. В. Пандемия и неологизация в немецком языке. *Вестник Башкирского университета*. 2021, 4 (26): 1044–1048. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.4.33>
- Певнева 2008 — Певнева И. В. *Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008.
- Русский язык коронавирусной эпохи — *Русский язык коронавирусной эпохи*. Громенко Е. С., Козловская Н. В., Павлова А. С., Приемышева М. Н., Ридецкая Ю. С. (ред.). СПб.: Ин-т лингвистич. исслед. Рос. акад. наук, 2021.
- Сапрыкина 2022 — Сапрыкина О. А. Активные процессы в современной португальской неологии: новые слова и пандемия. *Филологические науки в МГИМО*. 2022, 8 (2): 29–39. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-29-39>
- Седов 2002 — Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международного семинара Диалог'2002*. <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/> (дата обращения: 23.01.2022).
- Стернин 2001 — Стернин И. А. *Введение в речевое воздействие*. Воронеж: Истоки, 2001.
- Третьякова 2000 — Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста. В сб.: *Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии*. Голев Н. Д. (отв. ред.). Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2000. С. 127–140.
- Bay et al. 2020 — Bay S., Fredheim R. E., Dek A., Dek I. *Social media manipulation report 2020*. Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2020.
- Bishop 2014 — Bishop J. Representations of 'trolls' in mass media communication: A review of media-texts and moral panics relating to 'internet trolling'. *International Journal of Web Based Communities*. 2014, 10 (1): 7–24. <https://doi.org/10.1504/ijwbc.2014.058384>
- Buckels et al. 2014 — Buckels E. E., Trapnell P. D., Paulhus D. L. 2014. Trolls just want to have fun. *Personality and Individual Differences*. 2014, (67): 97–102. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.016>
- Dellarocas 2006 — Dellarocas C. Strategic manipulation of Internet opinion forums: Implications for consumers and firms model extensions. *SSRN Electronic Journal*. 2006, 52 (10): 1577–1593. <https://doi.org/10.1287/mnsc.1060.0567>

- Donath 1996 — Donath J. S. Identity and deception in the virtual community. In: *Communities in Cyberspace*. Kollock P., Smith M. (eds). London: Routledge, 1996. P. 1–19. <https://doi.org/10.4324/9780203194959-11>
- Fichman, Sanfilippo 2015 — Fichman P., Sanfilippo M. The Bad Boys and Girls of Cyberspace. *Social Science Computer Review*. 2015, (33): 163–180. <https://doi.org/10.1177/0894439314533169>
- Hardaker 2010 — Hardaker C. Trolling in asynchronous computer-mediated communication: from user discussions to academic definitions. *Journal of Politeness Research*. 2010, 6 (2): 215–242. <https://doi.org/10.1515/jplr.2010.011>
- Hardaker, McGlashan 2016 — Hardaker C., McGlashan M. “Real men don’t hate women”: Twitter rape threats and group identity. *Journal of Pragmatics*. 2016, (91): 80–93. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.11.005>
- Herring et al. 2002 — Herring S., Job-Sluder K., Scheckler R., Barab S. Searching for safety online: Managing “trolling” in a feminist forum. *The Information Society*. 2002, 18 (5): 371–384. <https://doi.org/10.1080/01972240290108186>
- Mihaylov et al. 2015 — Mihaylov T., Georgiev G., Nakov P. Finding opinion manipulation trolls in news community forums. In: *Proceedings of the Nineteenth Conference on Computational Natural Language Learning*. Beijing: Association for Computational Linguistics, 2015. P. 310–314. <https://doi.org/10.18653/v1/k15-1032>
- Mojica 2018 — Mojica L. G. Modeling trolling in social media conversations. In: *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC-2018), May 2018*. <https://www.semanticscholar.org/reader/1a7e9e91305d4b2c9773a51d915a057194b194df> (дата обращения: 19.03.2022).
- Ying et al. 2012 — Ying C., Zhou Y., Zhu S., Xu H. Detecting offensive language in social media to protect adolescent online safety. In: *2012 International Conference on Privacy, Security, Risk and Trust and 2012 International Conference on Social Computing; September 3–5, 2012*. <https://doi.org/10.1109/socialcom-passat.2012.55>

Статья поступила в редакцию 18 июля 2022 г.
Статья рекомендована к печати 12 февраля 2024 г.

Olga Iu. Gukosiants

Pyatigorsk State University,
9, pr. Kalinina, Pyatigorsk, 357532, Russia
Gukosjants@mail.ru

Communicative strategies and tactics of manipulation trolls in computer-mediated communication during COVID-19 pandemic

For citation: Gukosiants O. Iu. Communicative strategies and tactics of manipulation trolls in computer-mediated communication during COVID-19 pandemic. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (2): 423–445. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.210> (In Russian)

The present paper is devoted to the study of the communicative behavior of manipulation trolls that provoke a conflict situation and affect addressees during the COVID-19 pandemic. The relevance of the article is due to the need for a comprehensive study of manipulative influence in the Internet, the development of recommendations for identifying the manipulative intention of the addresser and providing timely counteraction. Research tasks are: to determine the strategies and tactics of manipulative conflict virtual interaction, to calculate the types of manipulation trolls in the Russian-speaking Internet during the COVID-19 pandemic using the example of comments on posts in the LiveJournal and Internet memes. The study showed that the general strategy of manipulation was implemented in two main directions — to establish the opponents’ point of view through reassurance and to incite collective

hatred in order to create their own “support group”. Micro-strategies of exposure, self-presentation and persuasion are recognized as special cases of the general strategy of manipulation. It has been concluded that the micro-strategy of persuasion is implemented through the tactics of referring to authority, reasoning/persuasion and negative scenario, the micro-strategy of exposure — through the tactics of expressing distrust and irony, the micro-strategy of self-presentation — through the tactics of self-congratulation and distance. Particular attention is paid to verbal and non-verbal markers in the communicative behavior of manipulation trolls. The use of communicative-pragmatic analysis and semiotic analysis to study the structure of the comments, verbal and iconic parts of Internet memes, descriptive method to generalize, systematize, classify and interpret the obtained data made it possible to decode speech tactics and correlate them with communicative micro-strategies used by different types of manipulation trolls. The result of the work is the construction of schemata that reflects types of trolls of the general type “manipulation troll” observed in the analyzed material, the communicative micro-strategies and tactics they implement within the general manipulation strategy.

Keywords: Internet-mediated communication, conflict discourse, manipulation strategy, trolling, troll.

References

- Акулич 2012 — Akulich M. M. Internet trolling: Concept, content and forms. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, (8): 47–54. (In Russian)
- Баранцева, Девяткова 2021 — Barantseva O. A., Deviatkova Iu. A. The coronavirus pandemic as extralinguistic factor of new English words appearance. *Problemy romano-germanskoi filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov*. 2021, (17): 17–22. (In Russian)
- Белоус, Осколкова 2007 — Belous N. A., Oskolkova N. V. Conflict discourse vs conflict text. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.: 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2007, 4 (2): 86–107. (In Russian)
- Великая и др. 2021 — Velikaia N. M., Sakka F., Irsetskaia E. A. Coronavirus pandemic in the modern Russian public discourse: Threats, challenges and opportunities. *Voprosy upravleniia*. 2021, (1): 8–22. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-1-8-22> (In Russian)
- Внебрачных 2012 — Vnebrachnykh R. A. Trolling as a form of social aggression in the virtual community. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Filosofii, Sotsiologii, Psikhologii, Pedagogika*. 2012, (1): 48–51. (In Russian)
- Вознесенская 2010 — Voznesenskaia Iu. V. Conflict speech strategies in German political communication (based on the Bundestag parliamentary debate). Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. St. Petersburg, 2010. (In Russian)
- Воронцова 2006 — Vorontsova T. A. *Speech aggression: a communicative-discursive approach*: Thesis for Doctor of Philology. Chelyabinsk, 2006. (In Russian)
- Галичкина 2012 — Galichkina E. N. *Computer communication: linguistic status, iconic means, genre space*. Volgograd: Paradigma Publ., 2012. (In Russian)
- Гулакова 2004 — Gulakova I. I. *Communicative strategies and tactics of speech behavior in a conflict communicative situation*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Orel, 2004. (In Russian)
- Ермакова, Земская 1993 — Ermakova O. P., Zemskaja E. A. Towards a typology of communicative failures. In: *Russkii iazyk v ego funkcionirovanii: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. Zemskaja E. A., Shmelev D. N. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1993. P. 30–64. (In Russian)
- Завьялова 2011 — Zavialova O. N. *Speech (language) manipulation*. In: *Enciklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrasitel'nye sredstva russkogo iazyka i rechevye oshibki i nedochety*. Skovorodnikov A. P. (ed.). Moscow: Flinta, 2011. P. 463–467. (In Russian)
- Иссерс 2008 — Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: LKI Publ., 2008. (In Russian)
- Каменева, Рабкина 2013 — Kameneva V. A., Rabkina N. V. The functional and pragmatic potential of demotivators as a visual-verbal form of modern internet communication. *Politicheskaja lingvistika*. 2013, 1 (43): 144–151. (In Russian)

- Кара-Мурза 2005 — Kara-Murza S. G. *Manipulation of consciousness*. Moscow: Eksmo Publ., 2005. (In Russian)
- Карасик 2020 — Karasik V. I. Epidemic in the mirror of media discourse: Facts, evaluations, positions. *Politticheskaja lingvistika*. 2020, 2 (80): 25–34. <https://doi.org/10.26170/pl20-02-02> (In Russian)
- Колтышева 2008 — Koltyшева E. Iu. *Manipulative influence in the modern advertising text: On the material of English glossy magazines for women*. Yaroslavl: Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K. D. Ushinskogo Publ. 2008. (In Russian)
- Курьянович 2018 — Kur'ianovich A. V. Experience of linguistic and legal personality characteristics of conflict language personality (on the example of analysis of communicative behavior of troll in the network correspondence). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018, 2 (191): 127–142. <https://doi.org/10.23951/1609-624x-2018-2-127-142> (In Russian)
- Мулькеева 2006 — Mul'keeva V. O. *Speech strategies of conflict and factors influencing their choice*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. St. Petersburg, 2006. (In Russian)
- Мухаметзянова, Болотова 2021 — Mukhametzianova D. R., Bolotova E. V. Pandemic and neologization in German. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2021, 4 (26): 1044–1048. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.4.33> (In Russian)
- Певнева 2008 — Pevneva I. V. *Communicative strategies and tactics in conflict situations in common and professional pedagogical discourses in Russian and American linguistic cultures*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Kemerovo, 2008. (In Russian)
- Русский язык коронавирусной эпохи — *The Russian language of the coronavirus era: monograph*. Groznenko E. S., Kozlovskaja N. V., Pavlova A. S., Priemysheva M. N., Ridetskaia Iu. S. (eds). St. Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN Publ., 2021. (In Russian)
- Сапрыкина 2022 — Saprykina O. A. Active models in modern Portuguese neology: new words and the pandemic. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2022, 8 (2): 29–39. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-29-39> (In Russian)
- Седов 2002 — Sedov K. F. Language identity from the point of view of psycholinguistics conflictology. In: *Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international seminar Dialogue'2002*. <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/> (accessed: 23.01.2022). (In Russian)
- Стернин 2001 — Sternin I. A. *Introduction to speech impact*. Voronezh: Istoki Publ, 2001. (In Russian)
- Третьякова 2000 — Treťiakova V. S. Conflict through the eyes of a linguist. In: *Iurisljngvistika-2: Russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii*. Golev N. D. (ed.). Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2000. P. 127–140. (In Russian)
- Bay et al. 2020 — Bay S., Fredheim R. E., Dek A., Dek I. *Social media manipulation report 2020*. Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2020.
- Bishop 2014 — Bishop J. Representations of 'trolls' in mass media communication: a review of media-texts and moral panics relating to 'internet trolling'. *International Journal of Web Based Communities*. 2014, 10 (1): 7–24. <https://doi.org/10.1504/ijwbc.2014.058384>
- Buckels et al. 2014 — Buckels E. E., Trapnell P. D., Paulhus D. L. 2014. Trolls just want to have fun. *Personality and Individual Differences*. 2014, (67): 97–102. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.016>
- Dellarocas 2006 — Dellarocas C. Strategic manipulation of Internet opinion forums: implications for consumers and firms model extensions. *SSRN Electronic Journal*. 2006, 52 (10): 1577–1593. <https://doi.org/10.1287/mnsc.1060.0567>
- Donath 1996 — Donath J. S. Identity and deception in the virtual community. In: *Communities in Cyberspace*. Kollock P., Smith M. (eds). London: Routledge, 1996. P. 1–19. <https://doi.org/10.4324/9780203194959-11>
- Fichman, Sanfilippo 2015 — Fichman P., Sanfilippo M. The Bad Boys and Girls of Cyberspace. *Social Science Computer Review*. 2015, (33): 163–180. <https://doi.org/10.1177/0894439314533169>
- Hardaker 2010 — Hardaker C. Trolling in asynchronous computer-mediated communication: From user discussions to academic definitions. *Journal of Politeness Research*. 2010, 6 (2): 215–242. <https://doi.org/10.1515/jplr.2010.011>
- Hardaker, McGlashan 2016 — Hardaker C., McGlashan M. "Real men don't hate women": Twitter rape threats and group identity. *Journal of Pragmatics*. 2016, (91): 80–93. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.11.005>

- Herring et al. 2002 — Herring S., Job-Sluder K., Scheckler R., Barab S. Searching for safety online: Managing “trolling” in a feminist forum. *The Information Society*. 2002, 18 (5): 371–384. <https://doi.org/10.1080/01972240290108186>
- Mihaylov et al. 2015 — Mihaylov T., Georgiev G., Nakov P. Finding opinion manipulation trolls in news community forums. In: *Proceedings of the Nineteenth Conference on Computational Natural Language Learning*. Beijing: Association for Computational Linguistics, 2015. P.310–314. <https://doi.org/10.18653/v1/k15-1032>
- Mojica 2018 — Mojica L. G. Modeling trolling in social media conversations. In: *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC-2018), May 2018*. <https://www.semanticscholar.org/reader/1a7e9e91305d4b2c9773a51d915a057194b194df> (accessed: 19.03.2022).
- Ying et al. 2012 — Ying C., Zhou Y., Zhu S., Xu H. Detecting offensive language in social media to protect adolescent online safety. In: *2012 International Conference on Privacy, Security, Risk and Trust and 2012 International Conference on Social Computing; September 3–5, 2012*. <https://doi.org/10.1109/socialcom-passat.2012.55>

Received: July 18, 2022

Accepted: February 12, 2024